

Василий **ЦВЕТКОВ**,
доктор исторических наук

КРЫМСКОЕ РЕШЕНИЕ «УКРАИНСКОГО ВОПРОСА»

Южнорусское Белое движение и политический статус Украины

1919-й. ДЕНИКИН ИЛИ ПЕТЛЮРА. ПОЛИТИКИ СРАЖАЮТСЯ, ВОЕННЫЕ СОТРУДНИЧАЮТ

С начала своего формирования южнорусское Белое движение твёрдо стояло на позиции «непризнания» любых военных или политических структур, связанных с Украинской Народной Республикой (УНР) или Западно-Украинской Народной Республикой (ЗУНР). Лидеры УНР Симон Петлюра и Владимир Винниченко рассматривались командованием Вооружённых Сил на Юге России (ВСЮР) «вне закона», а само наименование «Украина» заменя-

лось «малороссийскими и новороссийскими губерниями». «Идея украинской самостоятельности обязана своим происхождением германскому Генеральному штабу... Добровольческая армия ставит себе задачей восстановление Единой и Неделимой России путем освобождения её от большевиков и свободного объединения всех разрозненных областей в одно целое. Отсюда само собой вытекает, что всякая попытка отторгнуть от России какую-либо область рассматривается Армией как изменническое действие. Именно такой изменой являются попытки разных лиц и партий разорвать связи мало-

русского народа с остальными областями Русского Государства».

Незадолго до занятия Киева известный российский юрист П. И. Новгородцев составил утверждённую главнокомандующим ВСЮР генералом А. И. Деникиным 12 августа 1919 года декларацию «К населению Малороссии». В ней говорилось о «единстве», которое гарантирует суверенитет России, без которого немыслима «полная и правильная хозяйственная жизнь, когда север и юг, восток и запад обширной державы в свободном обмене несут друг другу всё, чем богат каждый край, каждая область». «В основу устройства областей Юга России будет положено начало самоуправления и децентрализации при неременном уважении к жизненным особенностям местного быта». Признавалось «совершенно недопустимым» «преследование малорусского народного языка». Объявлялось, что «каждый может говорить в местных учреждениях: земствах, присутственных местах и суде — по-малороссийски». В печати и в частных школах «малороссийский язык» употреблялся «без ограничений», а в «казённых» и «начальных школах» мог употребляться факультативно.

Примечательно, что ещё в 1917 году, в самом начале споров о будущем государственном устройстве России вообще и статусе Украины в частности, высказывались мнения о возможности перенесения столицы России в Киев, что давало бы сближение с землями, населёнными западными и южными славянами, и «Россия сделалась бы более и самостоятельнее». Основой будущего областного самоуправления, по мнению Новгородцева и Деникина, могло стать земство¹.

Несмотря на жёсткие заявления, контакты с представителями «украинской государственности» начались с осени 1919 года, когда на левом фланге ВСЮР, в зоне наступления Полтавского отряда генерала Н. Э. Бредова (войска Киевской области), белые войска вошли в соприкосновение с войсками Украины. 30 августа 1919 года белые вошли в Киев. В это же время в юго-западные предместья города вступили части галицийской армии под командованием генерала А. Кравса. Между ним и Бредовым

Генералы А. И. Деникин, И. П. Романовский и В. З. Май-Маевский на параде в Харькове. Июнь 1919 г.

Прибытие генерала Деникина в Одессу.
Сентябрь 1919 г.

было заключено соглашение, по которому галичане отходили от города на 30 километров. Бредов признал галицийскую армию регулярной экстерриториальной армией, а Кравс признал ВСЮР в качестве территориальных и регулярных войск. Статус ВСЮР определялся как вооружённые силы Российского государства и позволял считать законным занятие войсками ВСЮР Киева как российского города.

Экстерриториальность же армии Кравса, в свою очередь, позволяла говорить, как минимум, о возможности признания Галиции фактически существующим государственным образованием. Ни ВСЮР, ни галицийская армия не исключали совместного ведения военных действий против частей РККА. «Борьба между Добрармией и галицийскими войсками прекращается», но при этом «участия в борьбе Добрармии против Петлюры галичане не принимают». Предполагался обмен представителями сторон для координации действий и наблюдения за выполнением соглашения. Невыполнимыми остались лишь пожелания об удалении из состава галицийской армии бывших офицеров германской и австро-венгерской армий (в этом случае пришлось бы «удалить» большую часть командного состава галичан)².

Начать переговоры с представителями ВСЮР должен был и глава делегации УНР, находившийся в Фастове бывший главнокомандующий галицийской армией генерал М. В. Омелянович-Павленко. Бредов отказался встречаться с представителями Петлюры (в отличие от галичан) и заявил, что арестует их. Однако соглашение Кравса с Бредовым имело характер двустороннего военного договора, а не государственного акта. Перспектива сотрудничества галичан и добровольцев не устраивала лидеров УНР. 22 сентября 1919 года головной атаман Петлюра особым циркуляром заявил о начале наступления на Киев и Одессу с целью освобождения Украины от деникинской «реакции».

Возможно, что продуманная, взвешенная национальная политика смогла бы разрешить возникшие проблемы. Но обстановка ожесточённой междоусобной войны и разрухи, борьбы за власть в регионе не способствовали этому. Белое движение противостояло украинскому национальному движению. Главноначальствующий Харьковской области генерал В. З. Маймаевский издал распоряжение, запрещавшее преподавание украинского языка и украиноведения в казённых школах (для частных ограничений на было). В Киеве началось жёсткое противостояние «националистов» («Блок русских избирателей»

В. В. Шульгина) и «Национального объединения», стоявшего на позициях «украинизации» образования. Прекратилось издание литературы на украинском языке, был разрушен памятник Тарасу Шевченко.

Политическая программа украинского правительства не отличалась толерантностью по отношению к деникинскому Особому совещанию. По оценке украинского историка-эмигранта А. Дикого, «отношение руководителей политики надднепрянской Украины к Деникину было резко отрицательным. И вовсе не по причинам национальным... Не надо забывать, что все они были не только социалисты, но и социалисты левые, с большим уклоном к большевизму, а потому не имели никакой надежды не только удержаться у власти, но даже и получить возможность свободной деятельности в случае победы Деникина»³.

Войска Киевской области под командованием генерала А. М. Драгомирова отразили попытки Запорожского корпуса полковника В. П. Сальского наступать на Киев. Перейдя в контрнаступление, белые оттеснили украинские части к Житомиру. Из армии УНР началось дезертирство, ещё большим бедствием стала для неё эпидемия тифа. Что касается галицийской армии, то она, и прежде готовая к союзу с добровольцами, 3 ноября 1919 года официально вошла в состав ВСЮР и была отправлена в Одессу на переформирование. Переименованная после подписания соглашения в Украинскую галицийскую армию, она переводилась «в полном составе, с этапными установлениями, складами и железнодорожным составом... на сторону Добрармии и перешла в полное распоряжение главного командования Вооружённых Сил Юга России через командующего войсками Новороссийской области». Ещё в сентябре в состав войск Киевской области вошли по-

встанческие отряды атаманов Струка (1-й Малороссийский партизанский отряд), Карпенко, Уварова. Подобный союз мало что дал ВСЮР. В это время «поход на Москву» закончился, белые армии отступали, и лишь левое крыло фронта, опиравшееся на Киев, держалось до декабря.

**1920-й. «КРЫМСКИЙ ДИКТАТОР»
ВРАНГЕЛЬ: «С КЕМ ХОЧЕШЬ,
НО ЗА РОССИЮ — ВОТ МОЙ ЛОЗУНГ»**

После смены командования ВСЮР новый главнокомандующий генерал П. Н. Врангель скорректировал вектор национальной политики Белого движения. Крым в 1920 году стал не только «опытным полем российской государственности», но и центром по разработке планов в отношении всей Украины. События советско-польской войны побуждали врангелевское правительство к сближению с украинскими военными и политиками. Летом 1920 года началось постепенное сближение ВСЮР с антибольшевистскими силами на Украине в расчёте на создание единого фронта против Советской России. В августе дипломатический представитель Врангеля в Константинополе А. А. Нератов телеграфировал в Париж российскому послу В. А. Маклакову о намерениях главнокома перенести военные операции с Дона и Кубани на Украину: «Крупные успехи поляков в борьбе с Красной армией дают впервые за всё время борьбы возможность путём согласованных действий между польской и русской армиями, под высшим руководством французского командования, нанести советской власти решительный удар и обеспечить миру всеобщее успокоение и социальный мир... После главнокомандующий ставит перед французским правительством и командованием вопрос о создании общего и связного фронта вместе

с поляками против большевиков, при руководящем участии французского командования. В таком случае наши стратегические планы подлежали бы изменению, и центр тяжести переместился бы на Украину»⁴.

К этому времени врангелевские десанты на Дон и Кубань завершились неудачно. Осенью 1920 года планировалось проведение новых операций не только в казачьих областях, но и на Украине. В телеграмме Маклакову Врангель подтверждал эти намерения. Касаясь причин неудач казачьих десантов, главком объяснял их исключительно военным фактором: «Встретив значительное сопротивление со стороны большевиков на Кубани, наши части могли действовать лишь медленно, имея перед собой во много раз превосходившие их силы противника. Продолжать операцию на Кубани можно было при этих условиях только оставив Северную Таврию и отойдя за Перекоп. Но за последнее время общая обстановка коренным образом изменилась. У поляков обнаружилось неожиданное и крупное успехи, и, в связи с ними, польские операции должны получить развитие в южном направлении. На Украине усиливается повстанческое движение. В то же время везде всё больше и больше назревает сознание, что большевизм с его разрушительной мировой пропагандой, с его захватными стремлениями — есть мировая опасность (а белая Таврия должна стать не «осаждённой крепостью», а плацдармом для «освобождения России» — В. Ц.). Все эти обстоятельства повелительно внушают мысль, что сейчас складывается исключительно выгодная обстановка для решительной и объединённой борьбы с большевизмом, для создания единого и связного фронта с общим военным руководством, которое согласовало бы и дело снабжения, и военные действия разных антибольшевицких сил»⁵.

Как и с представителями казачьих войск, сотрудничество с представителями Украины предполагалось в форме межправительственных контактов. Сторонниками такого сотрудничества выступали прежде всего военные, уроженцы украинских губерний, служившие в Русской армии. Вскоре после заключения соглашения с казачьими атаманами, 26 июля 1920 года, Врангель принял делегацию во главе с председателем «объединённого собрания» (состоялось 16 июля) украинских организаций на территории Крыма Н. Г. Левченко. В её состав вошли генерал Г. Е. Янушевский (служил в галицийской армии и перешёл на сторону ВСЮР осенью 1919 года), статский советник Н. Г. Кравченко, инженер К. О. Кирста (организатор «Рабоче-офицерской роты» в Киеве в октябре 1919 года). Пожелания данной делегации не выходили за рамки сугубо военного характера. Заявлялось о важности

ПРИКАЗЪ

Правителя и Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Югъ Россіи.

№ 3226

20-ю Мая 1920 года

г. Севастополь.

Русская Армія идетъ освобождать отъ красной нечисти Родную землю.

Я призываю на помощь миѣ Русскій Народъ.

Мною подписанъ законъ о волостномъ земствѣ и возстановляются земскія учрежденія въ занимаемыхъ Арміей областяхъ.

Земля казенная и частновладельческая сельско-хозяйственнаго пользованія распоряженіемъ самихъ волостныхъ земствъ будетъ передаваться обрабатывающимъ ее хозяевамъ.

Призываю къ зашитѣ Родины и мирному труду русскихъ людей и общію прощеніе заблудшимъ, которые вернутся къ намъ.

Народу — земъ: я и всля въ устрекеніи государства.

Земль — Волею народа поставленный Хозяинъ.

Да благословитъ насъ Богъ!

Генералъ Врангель.

Типографія Политической Части Штаба Главнокомандующаго В. С. Ю. Р.

Текст приведен на сс. 54—55, см. также с. 155

Приказ генерала Врангеля. 1920 г.

«объединения действий партизанских отрядов, работавших на Украине, и создания из них правильно организованной силы для борьбы с большевиками», а также о «создании в Севастополе политического центра для проведения на местах правового порядка и успокоения населения Украины». Делегация добилась предварительного согласия главкома, однако конкретные меры в этом направлении были предприняты позднее.

27 июля делегация составила протокол заседания, в котором постановила «просить главнокомандующего» о «возложении на... генерала Янушевского руководства по объединению повстанческих отрядов и организации правильной вооружённой силы на территории Украины для борьбы с большевиками». При этом следовало «сформировать штаб повстанческих отрядов на территории Украины». «В распоряжение» генерала Янушевского — «для выполнения первоначальных организационных работ» предлагалось направить, в частности, начальника Киевского Константиновского военного училища генерала К. А. Присовского (коменданта Киева при гетмане Скоропадском), коллежского советника Г. А. Лукашевича (личного врача Скоропадского), состоявшего при гражданском управлении полковника А. А. Сахно-Устимовича (бывшего адъютанта Скоропадского). Показательно, что наибольшим влиянием из числа украинских военных и политиков при Врангеле пользовались те, кто служил при гетмане

(уместно вспомнить, что сам Врангель был лично знаком со Скоропадским по службе в гвардии и что в 1918 году приглашался им на должность командующего вооружёнными силами Украинской державы).

Спустя месяц, 21 августа 1920 года, с проектом о «возрождении запорожского казачества» на основе повстанческих отрядов выступил Сахно-Устимович. Для Врангеля, заинтересованного в пополнении рядов Русской армии, предложения о координации действий с украинским повстанчеством представлялись актуальными. При главкоме была создана должность «докладчика по делам повстанческого движения вне территории ВСЮР», которую занял бывший гетманский генерал В. Ф. Кирей.

ГЕНЕРАЛ СЛАЦОВ-КРЫМСКИЙ И «ВОЗРОЖДЕНИЕ» ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

По собственной инициативе с идеей создания новых политических структур выступил «почётный гражданин города Ялты» генерал Я. А. Слэцов. В «Проекте необходимых мероприятий для разрешения украинского вопроса» он пошёл дальше проекта Сахно-Устимовича. Слэцов считал Украину «новым источником живой силы», а развитие операций в этом регионе — наиболее перспективным. В проекте генерал заявлял о введении новых политических структур управления и об «официальном признании главным командованием прав Украины на автономное управление на началах общероссийской федерации». Высшая власть на Украине и право на «выражение общественного украинского мнения» должны были принадлежать новой «общественно-национальной единице» — Народной Громаде. Её создание предполагалось на основе соглашения, во многом схожего с образованием украинской Директории в 1917 году. На «съезде из представителей местных украинских организаций и уроженцев Украины» следовало «установить программу Громады», а также избрать её Президиум.

Слэцов предложил создать при главкоме постоянно действующий Совет по украинским делам, «с правом совещательного голоса» и в составе «не менее трёх лиц по назначению». Совет должен был взаимодействовать с украинскими общественно-политическими организациями, координировать деятельность повстанческих отрядов, разрабатывать систему местного самоуправления и контролировать «подыскание и представление кандидатов на административные и правительственные должности на местах из лиц, кои были бы приемлемы и авторитетны для местного населения». Вполне соглашаясь с докладом

Сахно-Устимовича, Слащов считал необходимым «организовать на территории Украины украинскую и регулярную армию... с сохранением украинских исторических особенностей». Позднее, «по занятии Юга Украины», правитель Юга России должен был заключать договор «с представителями Украины», основу которого составили бы постановления, законы, подготовленные Советом по украинским делам при главкоме и президиумом Громады. Военным флагом должен был стать «национальный жёлто-синий с бело-сине-красным углом». По мнению генерала, «установление демократической, правовой Украины на общероссийских федеративных началах» позволит избежать крайностей «самостийничества» и «крайне правых». Проект был доложен главкому, однако так и не получил развития, хотя определённым результатом можно считать опубликованное 12 августа 1920 года «Воззвание к украинцам», в котором борьба за «родную Украину» составляла часть борьбы за «единую Россию». «В нашем единении — наше спасение», — подчёркивалось в документе. «Не восстанавливать старые порядки идём мы, а бороться за то, чтобы дать народу возможность самому быть Хозяином своей земли и волей народа установить порядок во всей России»⁶.

РАСЧЁТЫ НА ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Если с возрождением запорожского казачества Врангель не торопился, то контакты с повстанческими отрядами на Украине были им установлены ещё до проектов Слащова и Сахно-Устимовича. В июне 1920 года в Крыму были широко разрекламированы обращения командиров повстанческих отрядов. Командир «партизанского отряда имени батька Махно» Яценко призывал «ударить со всей силой и атакой на тех кровопийцев-коммунистов, которые расстреливали наших товарищей-партизан». «Деникина нет, — подчёркивал Яценко отличие от предыдущей «деникинской политики», — есть Русская армия, которой подадим руку и сомкнём стройные ряды, станем любить друг друга, освободим свою истерзанную Русь Святую от комиссарского царства и создадим власть по воле народа». 16 июня с обращением к красноармейцам выступил командир другого повстанческого отряда А. А. Савченко: «Убедившись лично, что русские войска не расстреливают ни повстанцев, с которыми они идут рука об руку, ни вас, товарищи красноармейцы, злой волей коммунистов и комиссаров направленных против истинно трудового народа — рабочих и крестьян, зову вас: сложите оружие к ногам тех, кто идёт за народную волю и истинную, не коммунистическую свобо-

ду. Идите скорее в повстанческие отряды, в ряды Русской армии. Те и другие несут Украине и нашей общей Родине — России истинный мир, порядок и покой».

Воззвание одного из известных повстанческих атаманов в Таврии Прочана к «русским людям» (23 июня 1920 года) убеждало в необходимости поддержки белых: «Раньше я был один со своими повстанцами, а теперь я узнал, что Русская армия идёт за народ, и я соединился с нею. Повстанцы, все как один — к Русской Армии! Всколыхнись, Украина, проснись, русский народ, поднимись на коммуны и на комиссаров. Сбросим захватчиков власти народной, третий год поливающих кровью русскую землю, и построим новый мир на праве и правде»⁷.

Наконец, ещё одним обнадеживающим знаком стало взаимодействие с главным командованием одного из сподвижников Н. И. Махно, атамана Володина. Он был, пожалуй, наиболее крупной фигурой из числа повстанческих командиров. Газета «Крестьянский путь», выходившая в Симферополе, проявляла большой интерес к союзу с повстанцами. 13 сентября 1920 года была опубликована статья — панегирик «крестьянскому вождю» «Кто такой Махно», убеждавшая читателей в его антикоммунистических взглядах. В газете, наравне со сводками с фронта Русской армии, печатались также сообщения с «повстанческого фронта», утверждавшие о скором соединении «махновских частей с левофланговыми частями армии Врангеля». Повстанческий отряд атамана Володина с июля 1920 года публиковал объявления о наборе в Симферополе, Севастополе и Керчи. Правда, формирование осложнялось начавшейся в Таврии в августе 1920 года мобилизацией в ряды Русской армии, поскольку, например, приказом по гарнизону Симферополя (№ 248 от 26 июля 1920 года) «набор в войска атамана Володина» мог производиться без зачисления в них «строевых солдат» и призываемых по мобилизации. Отчасти проблема решалась за счёт привлечения на службу пленных красноармейцев.

Нельзя сказать, однако, что намерения Володина были искренними. Контрразведке удалось установить контакты атамана с крымскими красными партизанами, и он был расстрелян. Бойцов его отряда отправили на фронт, где они осуществляли разведывательную работу в полосе I армейского корпуса. Качество их как прифронтовых разведчиков оценивалось достаточно высоко⁸.

КРЫМСКАЯ ОСНОВА БУДУЩЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ

Тесные контакты были установлены главным командованием с представителями Украинского национального комитета. Ко-

митет был создан в Париже ещё в ноябре 1919 года и возглавлялся бывшим присяжным поверенным Киевской судебной палаты, издателем «Бюллетеня Украинских федералистов» С. К. Маркотуном. Кроме Маркотуна, в Севастополь приехали генеральный секретарь комитета Б. В. Цитович и товарищ державного секретаря в правительстве Скоропадского, автор известной на белом Юге брошюры «Возможно ли отделение Украины от России», профессор антропологии П. М. Могилянский. По воспоминаниям бывшего министра Северо-Западного правительства М. С. Маргулиеса, «программа их: Российская Федеративная Демократическая Республика... но о внутреннем строе Украины не говорят ничего, — по-видимому, мыслят — унитарной; поход против Петлюры как раба Ватикана (?), поход против поляков как реакционеров». Встреча с главкомом, в присутствии главы врангелевского правительства А. В. Кривошеина, министра иностранных дел П. Б. Струве, начальника штаба ВСЮР генерала П. Н. Шатилова и также приехавшего из Парижа в Крым Маклакова, состоялась 12 сентября. На ней Маркотуном были представлены сведения о поддержке проводимой Врангелем земельной реформы. По точному замечанию барона, «Украинский комитет... являлся дружественной нам организацией, имевшей некоторые связи как на западе, главным образом во Франции, так и на Украине, и к тому же могущей быть использованной как противовес украинцам-самостийникам». Основой сближения считалось всё то же соглашение с атаманами. «Выразив принципиальное согласие с предложенными делегацией пожеланиями, — отмечал Врангель, — я заявил, что в основу своей политики ставлю объединение всех русских сил, борющихся с большевиками, и готов поддержать развитие национальных образований на тех же основаниях, которые положены в основу моего соглашения с казачеством». Но официальных документов принято не было⁹.

Заинтересованность в сближении с казачеством проявилась в контактах членов Украинского национального комитета с представителями казачьих правительств. Члены комитета «вели оживлённые переговоры с официальными представителями казачьих правительств и достигли с ними полного соглашения в основных вопросах федеративного строительства». 18 сентября 1920 года состоялось торжественное собрание, устроенное казачьими атаманами в честь членов комитета. «Донской атаман от имени казаков приветствовал Украинский комитет, являющийся выразителем идеи объединения во имя общей матери — России, за которую провозгласил «ура». Отвечавший ему Маркотун подчёр-

кивал гибельность самостийных течений, питаемых иноземцами, стремящимися к расчленению России»¹⁰.

Объединённое собрание украинских организаций на территории Крыма было наиболее лояльной к правительству Юга России организацией, твердо отстаивавшей принципы «создания независимой украинской государственности, федеративно входящей в состав Единой России». На основе объединённого собрания был создан украинский национально-политический блок во главе с Левченко, претендовавший на роль главного выразителя интересов Украины. Товарищем председателя был избран генерал Д. Н. Безрадецкий. 1 октября предполагалось проведение в Севастополе 1-го съезда блока, на котором присутствовали бы делегаты от Таврической губернии, а также руководство действующего в Таврии Крестьянского союза России. Однако достаточного числа членов созвать не удалось, и было проведено «частное собрание». Присутствовавшие отклонили предложение об объединении с парижским комитетом Маркотуна и отстаивали идеи «независимой» общественной организации. Безрадецкий заявил о намерении Врангеля издать специальную «Декларацию по украинским делам», а вопросы «государственного устройства Украины» обсудить на специальной комиссии, которую планировалось создать при правительстве Юга России. Съезд утвердил также краткую программу блока, главной целью которого объявлялось «воссоздание Украины как совершенно свободного в своей внутренней жизни государства, входящего как часть в федеративное устройство России». Ближайшими задачами блока признавались «объединение всех здоровых государственных элементов Украины, выработка в широких слоях украинского народа правильного понимания задач государственного строительства, проявление максимума общественной энергии и самостоятельности для удовлетворения национально-культурных народных потребностей, всемерное содействие скорому разрешению аграрного вопроса на Украине по принципу «земля трудящимся». Предусматривались также «защита интересов рабочих» в рабочем законодательстве, «широкое местное самоуправление на демократических началах» и «всемерная поддержка государственной власти в проведении начал государственного правопорядка».

«Средствами достижения» поставленных целей блок считал не только широкую просветительскую, агитационную работу, но и участие в работе органов местного управления и самоуправления, «представление государственной власти кандидатских спи-

сков на ответственные посты на территории Украины». Организационная структура блока состояла из центрального комитета, губернских, уездных, сельских и даже заграничных отделов. Каждый отдел становился правомочным лишь после его признания вышестоящей структурой. 20 человек — учредителей блока — составляли его ЦК, пополнявшийся также двумя представителями от каждого из губернских и по одному от каждого из «менее значительных» отделений. Высшим учредительным органом признавался Всеукраинский съезд блока, созыв которого был в компетенции ЦК. Съезд постановил также «стремиться к образованию украинской национальной армии, с неременным подчинением её верховному водительству главнокомандующего Русской армией»¹¹.

МОЖНО ЛИ ДОГОВОРИТЬСЯ С «САМОСТИЙНИКАМИ»?

Что касается контактов с представителями УНР, то и их правительство Юга России не исключало. В конце июля Петлюра принял приехавшую из Крыма делегацию во главе с офицером Особой части штаба Русской армии полковником Я. Д. Ногой, а 12 августа в Ялту прибыла делегация в составе командира 2-й Запорожской бригады армии УНР полковника И. Д. Литвиненко и члена Центральной Рады, украинского социал-демократа Л. Е. Чикаленко. 29 августа в Симферополе состоялось заседание местной украинской громады, на котором делегаты от Петлюры получили заверение в готовности главного командования признать Украину на основе её федеративных прав в составе единой России. Базовым документом для соглашения должен был стать договор с казачьими атаманами. И если в самом начале переговоров речь шла о вопросах только военного взаимодействия в условиях Советско-польской войны, то уже в сентябре–октябре 1920 года стали обсуждаться и вопросы политического сотрудничества.

Формальное признание «суверенитета Украины» состоялось незадолго до эвакуации Русской армии из Крыма. 12 октября 1920 года приказом № 186 по гражданскому управлению при главкоме была введена должность начальника гражданской части (советника) по делам Украины, которую занял авторитетный крымский общественный деятель И. Н. Леонтович, а на должность дежурного генерала по делам Украины был назначен генерал Присовский. Подтверждался процесс формирования новых управленческих структур, подконтрольных правительству Юга России, расширявшему круг своих «союзников» по антибольшевистскому сопротивлению — от казачьих атаманов до повстанческих командиров¹².

Надежды на возможность создания единого антибольшевистского фронта на Украине влияли и на характер боевых операций Русской армии в сентябре–октябре 1920 года. Большая часть сил была сосредоточена для проведения Заднепровской операции — наступления на Правобережную Украину. Многие военные рассматривали её цель как попытку установления прямого контакта с Польшей и УНР. Ведь украинское правительство ещё 21 апреля 1920 года заключило в Варшаве соглашение с польским лидером Юзефом Пилсудским. Состоящее из политической и военной конвенций, оно предусматривало официальное признание Польшей Директории в качестве «Верховного правительства независимой Украины». Была установлена новая граница, к Польше отошли земли Восточной Галиции (территория бывшей ЗУНР), Западной Волыни и части Полесья. Собственность польских землевладельцев гарантировалась от проводимой правительством Петлюры земельной реформы. Военная конвенция переводила вооружённые силы Украины в подчинение польскому командованию, обеспечивавшему вооружение и снаряжение украинских дивизий. Взамен Директория принимала обязательство продовольственного снабжения польских войск на время их пребывания на территории Украины. Соглашение действовало во время всей Советско-польской войны.

15 сентября 1920 года Врангель отправил в Париж вместе со Струве генерала Я. Д. Юзефовича, которому поручалось формирование на территории Польши частей Русской армии из пленных красноармейцев. В письме французскому правительству Врангель сообщал о планах дальнейшей борьбы: «Ныне Русская армия подготавливается к переходу в наступление, причём только согласованные операции её с другими противобольшевистскими силами обещают достижение наибольшего успеха. Последнее же возможно только при условии объединения действий. Объединение украинских войск с польской армией уже осуществлено. Наше военное соглашение с украинской армией уже намечается». Создание «общего фронта» предполагалось под контролем французского командования¹³.

Но наступление «запоздало», поскольку 12 октября 1920 года в Риге был подписан прелиминарный мирный договор между РСФСР, Украинской ССР и Польшей. Руководство УНР понимало, что с прекращением Советско-польской войны и в связи с официальным участием представителей УССР в переговорах с Польшей УНР теряла суверенный статус. Правда, контакты Врангеля с членами украинского

комитета Маркотуна (ориентировавшегося на сотрудничество с галицийскими политиками) вызвали протесты у представителей УНР, и 21 сентября Б. В. Савинковым было направлено в Крым сообщение о заявленном Пилсудскому протесте со стороны представителей Петлюры. По их мнению, приезд в Севастополь Маркотуна и Могиланского выглядит как «отклонение... в сторону Деникина в национальном вопросе... вашего (Врангеля — В. Ц.) правительства»¹⁴.

ОСЕНЬ 1920-го. ВРЕМЯ НЕОПРАВДАВШИХСЯ РАСЧЁТОВ

Несмотря на это, Совет министров УНР одобрил «подписание военной конвенции с генералом Врангелем с политическими гарантиями... при условии признания правительством Врангеля независимости Украинской Народной Республики и её нынешнего правительства». 20 октября украинский представитель в Бухаресте Мациевич посетил российского посла С. А. Поклевского-Козелла и передал ему официальное заключение, гласившее: «Украинское правительство признаёт необходимым заключить с правительством Юга России одновременно с военной конвенцией и политическое соглашение. Последнее должно состоять из следующих пунктов: 1) признание правительства Петлюры правительством Украины и 2) признание прав Украины на самоопределение, т.е. обещание признать решение будущего Украинского Учредительного Собрания относительно судьбы Украины. Вопросы о границах Украины, об экономических отношениях между Россией и Украиной и о времени созыва украинского Учредительного Собрания могут быть оставлены для будущих переговоров».

По существу, предложение о военно-политическом соглашении повторяло основные положения украинско-польского договора, опираясь на который, Петлюра и Пилсудский координировали свои действия во время Советско-польской войны¹⁵. В ответ на это условие правитель Юга России передал через генерала П. С. Мах-

рова начальнику украинской военной миссии в Варшаве генералу В. П. Зелинскому, что он готов признать независимость УНР и правительства с атаманом Петлюрой во главе, впредь до созыва украинского Учредительного собрания. 26 октября 1920 года приказом по гражданскому управлению № 194 Врангель упразднил все ограничения, введённые в 1919 году в отношении украинского языка. Был признан его «государственный статус» «наравне с российским» и разрешалось преподавание его не только в частных, но и в «правительственных учебных заведениях». Очевидно, что в случае дальнейшего пребывания Русской армии в Таврии сближение с Украиной привело бы к заключению двустороннего соглашения, аналогичного подписанному 22 июля. Подтверждением подобных намерений может служить телеграмма Врангеля Струве, с последующей передачей копий в Варшаву и Бухарест, о том, что «создавшаяся грозная обстановка повелительно требует немедленного согласования действий всех вооружённых сил, борющихся против большевиков. Поэтому, в первую очередь, необходимо заключение между русской и украинской армиями военной конвенции, в частности — обеспечить украинским силам нашу поддержку. Что же касается соглашения политического, то Главнокомандующий выражает готовность идти навстречу всем антибольшевистским силам, стоящим на почве федерации с Россией, с обеспечением Украине полнейшей (! — В. Ц.) не-

зависимости во внутреннем её устройстве (фраза из соглашения с казачьими атаманами — В. Ц.) и управлении. Единственным условием является только признание власти Главнокомандующего над всеми вооружёнными силами и обеспечение общегосударственных интересов». Особо отмечалось, что «подобное политическое соглашение могло бы быть ныне же заключено от имени Русской армии с командованием Украинской армии, исходя приблизительно из основных начал, на которых построено соглашение с казачьими образованиями 22 августа — 4 сентября. Впредь до определения границ Украины размежевание могло бы быть произведено на основании стратегических соображений»¹⁶.

Прекращение военных действий на советско-польском фронте, поражения десантов на Дону и Кубани, неудача Заднепровской операции не позволили Врангелю осуществить широко задуманный план создания антибольшевистского фронта на основе максимально возможного признания автономных, суверенных прав государственных образований, возникших на территории бывшей империи. С октября 1920 года наметились новые тенденции политического курса, при котором поддержка со стороны иностранных государств сохраняла свое значение, но не определялась как фактор, единственно возможный для защиты «крепости Крым» — снова ставшей «осаждённой» в результате военных поражений осени 1920 года.

Правительство Юга России.
Севастополь. Август 1920 г.

Примечания

1. ГАРФ. Ф. Р-5354. Оп. 1. Д. 16. Л. 3-4; Заря России (Ростов-на-Дону). 1919. № 1. 15 августа; Ремнёв Е. Россия и Украина//Накануне (Екатеринодар). 1919. Кн. 1. С. 3-4, 6.
2. Крымский вестник (Севастополь). 1919. № 166. 31 октября.
3. Дикий А. Неизвращённая история Украины — Руси. Т. 2. Нью-Йорк. 1961. С. 210-211.
4. Из архива организаторов гражданской войны и интервенции в Советской России// Исторический архив. 1961. № 6. С. 110-111.

5. Трагедия казачества. Ч. 5//Вольное казачество (Париж). 1939. № 255. 10 января. С. 15.
6. Слащов-Крымский Я. А. Требую суда общества и гласности. Константинополь. 1921. С. 57-66; ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 58. Л. 1-17.
7. Возрождение Русской армии. Константинополь. 1920. С. 14-17.
8. Судоплатов А. Заднепровская операция// Первопоходник. 1974. № 21. Октябрь. С. 78; Южные Ведомости (Симферополь). 1920. № 64. 28 июля; Павлов В. Е.

Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917-1920 годов. Кн. 2. Париж. 1964. С. 310-311.
9. Маргулис М. С. Год интервенции. Кн. 3 (сентябрь 1919 — декабрь 1920). Берлин. 1923. С. 177; Врангелевщина//Красный архив. 1930. Т. 3 (40). С. 18-19.
10. Врангель П. Н. Записки. Ч. 2//Белое дело. Т. 6. Берлин. 1928. С. 192-193.
11. Военный вестник (Севастополь). 1920. № 154. 13 октября; Крестьянский путь (Симферополь). 1920. № 32. 6 октября; № 40. 20 октября.

12. Вернадский В. И. Дневники. 1917-1921. Январь 1920 — март 1921 гг. Киев. 1997. С. 156-157; Росс Н. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне. 1982. С. 251-252; Военный голос (Севастополь). 1920. № 163. 23 октября.
13. Врангель П. Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 181-182.
14. Врангелевщина. С. 21.
15. Там же. С. 31-32.
16. Там же. С. 33-34; Крупина В. А. Украина в программе государственного строительства П. Н. Врангеля. М. 2006. С. 167-168; Росс Н. Указ. соч. С. 252-253.